

КСЕНИЯ ВЛАСОВА

РОКИ И КАРА

Young
Adult

МИОО

Ксения Власова
Рок и Кара
Серия «Red Violet. Темные миры»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68321596

Рок и Кара / Ксения Власова: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2023

ISBN 9785001958154

Аннотация

Он – читает прошлое и заглядывает в будущее. Она – повелевает нитями судьбы. Небесная кара или злой рок? Вместе они должны были стать возмездием. Но судьба распорядилась иначе.

Кара, юная принцесса в королевстве тринадцати кланов, никак не ожидала, что после смерти отца ее с сестрами ждет погребальный костер. Однако перед жертвоприношением брат нового короля по имени Рок предлагает девушке свою помощь. Сможет ли Кара восстать против традиций, довериться незнакомцу и побороться за престол?

Для кого эта книга

Для поклонников тёмного фэнтези.

Для тех, кому нравятся истории о сильных женских персонажах.

Для тех, кто хочет прочесть увлекательную и качественную книгу русскоязычного автора.

Для читателей книг Лии Арден, Алекс Анжело и Фрэнсис Кэль.

От автора

Здесь вы не найдёте однозначных героев. История про демонов, своих и чужих. Про выбор. Про надежду и отчаяние. Про любовь и ненависть. Герои меняются, растут. Их трансформация будет вызывать и восторг, и боль.

Содержание

Часть I. Дебют	10
Глава 1	10
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ксения Власова

Рок и Кара

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ксения Власова, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Не ждите легкого и ненавязчивого сюжета – здесь

вы его не найдете. Начало истории введет вас в заблуждение, середина заворочит, а финал потрясет.

Алекс Анжело, автор цикла «Мир Дэвлата»

Эта история не о любви.

Не о магии, борьбе за власть и дворцовых интригах, хотя все перечисленное, безусловно, есть в тексте.

И все же прежде всего эта история о наших внутренних демонах. О том, что всегда найдутся люди и события, способные вытащить их на поверхность, и о том, сколько сил и жертв нужно, чтобы принять собственную тьму.

Никаких однозначных героев и простых решений. Только Рок и Кара.

Кристина Тэ, автор романа «Моя темная королева»

История, которая начинается как обманчиво легкое романтическое фэнтези, однако очень быстро разрушает эту иллюзию и предстает в совершенно ином свете.

Здесь нет ничего легкого и простого. Жестокая история о решениях, которые герои вынуждены принимать, стоя на самом краю. О внутренней тьме и борьбе с ней.

Пути назад нет, только вперед, несмотря на последствия и сожаления.

Алина Melanchallina, создатель сообщества «Чердак с историями» и книжный скаут

Моей дочери

Окружающие часто будут говорить тебе, кто ты. Каждый раз ты должна заглядывать внутрь себя и спрашивать: кто я на самом деле?

Однажды ты перестанешь спрашивать. Твой внутренний голос окрепнет, он станет сильнее гула вокруг.

Часть I. Дебют

Глава 1

Начало шахматной партии называют дебютом. В этот момент в игре участвуют все тридцать две фигуры, поэтому эту часть партии считают самой сложной. Правильно разыгранный дебют зачастую обеспечивает игроку победу.

1487 год, 8-й месяц, королевский замок Тринадцати

Отец называл меня Карой. Я думала, потому, что родилась первенцем – девчонка вместо долгожданного сына. Наверное, это был удар для гордого отца, мечтающего продолжить славную династию воинов-королей. Именно поэтому он не брал меня на руки первые три года моей жизни ровно до того времени, пока мама не подарила ему второго ребенка – мальчика. Лишь тогда отец, получивший то, что так сильно жаждал, – сына, названного Светом, – смиростивился: меня стали замечать, трепать по голове и разрешать играть с борзыми из его охотничьей стаи. Последняя привилегия оказалась лишней – шрамы на руках от собачьих клыков тому подтверждение.

Свет так и остался единственным сыном. После него родились еще три девочки, последняя умерла при рождении и унесла с собой жизнь нашей матери. В год, когда ее не стало, мне минуло двенадцать, и я начала догадываться, что причина нелюбви отца кроется не в том, что я принадлежу к женскому роду. В конце концов, он выбрал мне страшное имя – Кара богов, в то время как сестры отделались более снисходительными – Ирония и Шутка.

Я помню, как впервые услышала перешептывания слуг – едва различимые, как шелест листвы на ветру, и леденящие, словно снег в зимних горах, зачерпнутый голой ладонью.

– Волосы-то светлые, даже брови белесые.

– Вылитая белая лисица!

– Львиного в ней кот наплакал.

– Не наша она, чужая!

– Крови, видали, как боится?

– При ней курицу зарезали, она разревелась.

– Не львица, ох, не львица она!

– Позорище!

– Не позорище. Кара.

– Правильно король ей имя дал. Уж он-то знает, чья она, эта байстрючка, но молчит.

– И будет молчать. Стыдно льву попасться в расставленный капкан. Лучше сделать вид, что и капкана никакого не было.

– Звать его Первым. Не признается он, что стал вторым.

В тот день я долго пряталась на самом дальнем поле, свернувшись клубочком среди высоких колосьев ржи. Смотрела на чистое голубое небо и звала маму. Она бы объяснила, почему я не похожа на брата и сестер, почему люди не доверяют мне и смотрят свысока.

Но мама не пришла. Она не смогла спуститься с небосвода, где уже заняла свое место в семейном созвездии Рыжего Льва.

Когда желтые колосья лизнули лучи заходящего солнца и небо окрасилось в багровый цвет заката, я встала с примятой травы и отправилась домой. Сумерки же шли по пятам, наступая на мою тень.

С тех пор я больше не плакала – все равно никто не утешит, не прижмет к теплему плечу, а раз так, то и ни к чему слезы лить. Я твердо решила с честью и достоинством пройти тот путь, что уготовили мне предки-звери, которых мы все чаще зовем богами.

Не знаю, какой именно первородный зверь мне покровительствовал, но в итоге моя жизнь сложилась лучше, чем я себе представляла, лежа в поле, укрытая от посторонних глаз золотом колосьев.

Деликатный стук в дверь прервал череду воспоминаний. Я не успела отложить в сторону вышивку, в замысловатый узор которой всматривалась, пока разум гулял по коридорам памяти, и иголка осталась наполовину воткнутой в полотно. Порог переступил брат, и я поспешила вскочить со стула.

– Мой король. – Я склонила голову.

– Еще пока не король, – поправил он и восхищенно, совсем по-мальчишески цокнул языком. – Не думал, что когда-нибудь скажу нечто подобное, но Кара, как же к лицу тебе траур!

Я неловко оправила одной рукой платье (в другой была зажата вышивка). Полностью глухой наряд открывал чужому взору лишь краешек шеи, но все равно казался дерзким. Почему-то алый – цвет крови, цвет траура – всегда смотрелся на мне, белесой девчонке с невзрачным лицом, вызывая, а по словам Ника, и вовсе соблазнительно.

Я, принимая комплимент, благодарно присела в низком

реверансе.

Свет отмахнулся. Он, возможно, в силу молодости или врожденной мудрости снисходительно относился к правилам этикета. Реверансы и поклоны оставляли его равнодушным – тщеславие не было слабостью моего брата. Иногда мне казалось, что слабостей за ним вообще не водилось.

Свет подошел ближе и взглянул мне в глаза. В свои пятнадцать он все еще продолжал тянуться вверх, но уже сейчас сравнялся со мной по росту. Только в отличие от меня, тонкой и слабой, брат, как и положено молодому льву, был хоть и поджар, но не болезненно худ. Широкие плечи, сильные руки, тренированное тело – Свет только входил в пору своего расцвета, но уже сейчас в нем чувствовалась порода. Через несколько лет он станет настоящим воином – опорой и гордостью клана, королем, перед которым будут преклоняться по зову сердцу, а не из чувства долга.

– Кара, у тебя такие черные тени под глазами, что их видно даже с порога. Ты снова не спала всю ночь?

Я промолчала, лишь виновато опустила ресницы. Свет нахмурился.

– Отец покинул нас семь дней назад, мы все по нему скучаем. Но кто бы мог подумать, что сильнее всех тосковать будешь ты.

Я обиженно поджала губы. Его слова прозвучали так, будто мне отказали в праве горевать по отцу. Свет, по натуре внимательный и чуткий, несомненно, заметил мою гримасу

и поторопился пояснить сказанное:

– Это не значит, что я насмехаюсь над твоим горем. Я лишь замечаю, что оно глубже, чем могло бы быть у той, кому отец уделял меньше всех внимания.

Он ласково коснулся моей щеки, и я, прижавшись на мгновение к его ладони, перехватила руку. К несчастью, я забыла о вышивке, которую по-прежнему держала, и острие иголки впилося брату в палец. Свет отдернул ладонь; на указательном пальце, совсем близко от краешка ногтя, медленно выступала капелька крови.

– Священные предки! Прости! – От волнения я забыла все правила этикета. Теперь передо мной стоял младший брат, а не будущий король.

– Все в порядке. Всего лишь царапина.

Я не слушала его. Машинально оглянувшись по сторонам (пустая осторожность, в комнате мы были одни), обхватила его запястье правой ладонью, чтобы призвать дар, а левой медленно провела над ранкой. Когда я убрала руку, крови не было. Как и следа укола – чистая, целая кожа, ничего больше.

– Спасибо, – поблагодарил брат, – но, честно говоря, это было пустое. Жаль тратить твой дар зря.

Я не ответила. В голове вертелись слова позабытой старой приметы. Я могла припомнить лишь обрывки фраз, но не суть предостережения. Кровь перед ритуалом – к чему она?

– Ты всегда беспокоилась обо мне больше, чем требовалось. Я буду вечно благодарен тебе за это. В твоём лице я

мог бы обрести злопамятного врага, но ты стала моим самым преданным другом.

Я невольно приоткрыла рот — брат всегда был искренен, но таких слов я от него еще не слышала. Всмотриваясь в его светло-карие глаза, любуясь медью рыжих волос, я гордилась им. Он был тем братом, о котором я боялась и мечтать. Свет никогда не обижал меня, всегда защищал от пересудов, и благодаря его поддержке меня перестали дразнить белой лисицей. Даже за глаза — я знаю, специально подслушивала разговоры слуг на кухне после вечернего костра. Я не помню, как именно мы подружились. Время стерло из памяти детали. Кто сделал шаг первым, кто первым обратился по имени — все это осталось в омутах воспоминаний, надежно укрытое паутиной и присыпанное пылью давности событий.

Важно другое. Свет стал мне опорой, самым близким и дорогим человеком. Единственным человеком, которому я доверила свою страшную тайну. Он согласился хранить это знание еще совсем ребенком и до сих пор продолжал выполнять свое обещание.

Клеймо «ведьма» хуже, чем «лисица». Ведьм и колдунов изгоняли из города. Им не было места среди обычных людей. То, что Свет называл даром, считали наказанием богов. Способом пометить паршивую овцу в стаде. Все понимали, что такая сила добра не принесет, только беду накликает.

Если человек не покидал город добровольно, дорога у него была лишь одна — на плаху.

Я не хотела для себя ни первой, ни второй участи. Я жаждала иного – семьи и детей. И брат согласился с моим решением. Позволил мне самой выбирать свой путь – немислимая удача для девицы, пусть и благородных кровей.

Свет взял меня под локоть, и мы покинули мои покои. Уже на пороге он шепнул мне на ухо:

– Сегодня ко мне приходил Ник.

Брат замолчал и хитро улыбнулся. Я едва удержалась от того, чтобы не дернуть его за рукав, – нетерпеливо и совсем неподобающе для старшей принцессы.

– О чем же он просил? – как можно спокойнее поинтересовалась я. Мы шествовали по просторному холлу в сторону выхода из дворца. За нами бесшумно следовала охрана. Одним из стражей, коротко улыбнувшись мне у двери, был Ник.

Его полное имя звучало как Защитник, и оно, признаться, ему очень шло.

– О самом драгоценном сокровище, Кара, – о твоей руке, – чуть посмеиваясь и тепло поглядывая на меня, ответил брат.

Внутри меня что-то ухнуло, а затем взлетело, рассыпавшись снопом разноцветных искр. Чувствуя, как скулы опалил яркий румянец, и стараясь не выдать своего волнения, я тихо спросила:

– Что вы ответили, мой король?

– Дал свое благословение. Раз уж таков твой выбор.

Мне захотелось захлопать в ладоши от восторга. Я едва

удержалась от радостного и победного вопля. Ник – моя любовь, человек, на которого я с трепетом смотрела уже два года, – сделал мне предложение. И, что еще важнее, брат одобрил его. Такое решение было бы немыслимо при отце. Тот скорее отправил бы меня в соседний клан в качестве залогового своего доброго отношения, чем оставил дома и позволил выйти замуж по любви. Впервые я подумала о смерти отца без тоски и тут же устыдилась. Для той, кто заживляет раны, недостойно благодарить Зверя, что их наносит.

Мы вышли из дворца, преодолев просторную лестницу с массивными ступенями, и оказались во дворе, заполненном гостями и слугами. Раздался рев трубы и грохот барабанов. Толпа застыла в низком поклоне, приветствуя будущего короля. Я тоже сделала реверанс и отошла чуть левее – к сестрам, которым было не по себе даже под присмотром матрон.

– Мы правда поедем верхом? – немного испуганно спросила Ирония. Ей на днях исполнилось одиннадцать, но она до сих пор боялась лошадей – в детстве кобыла сбросила ее с себя и изрядно напугала.

– Да, Рони, такова традиция. Мы отдаем дань памяти предкам, жившим дико и свободно. – Я аккуратно, чтобы не испортить сложную прическу, погладила сестру по голове. Ее рыжие локоны сияли на солнце, окаймленные ободом из полевых цветов. Мои же тонкие, словно выбеленные волосы были заплетены в строгую косу – символ женского старшинства в семье. – Я буду рядом, милая. Ты не упадешь.

– Скорее бы все увидеть! – непосредственно воскликнула вторая моя сестра Шута, пока Рони, насупившись, настраивала себя на сложное испытание.

Шута была младше Рони на два года и обожала животных, но еще больше ее привлекали скачки и соревнования на скорость.

– А вот ты, юная леди, поедешь со мной. – Я погрозила ей пальцем. – Я помню, чем закончилась твоя последняя прогулка. Больше никаких сломанных рук!

– Она же быстро зажила, – буркнула себе под нос Шута, и я едва удержалась от желания просветить сестру, почему ее рука так быстро и безболезненно срослась.

Мне подвели коня – самого смиренного и послушного на конюшне. К счастью, женщинам позволяли седлать своих скакунов, иначе бы к месту проведения ритуала я не добралась – боялась лошадей еще больше, чем Рони. Ехать на голой спине резвого коня без всякого седла, как это делали сегодня мужчины, отдавая дань традициям, я бы точно не смогла.

Я запрыгнула в мужское седло. Юбка задралась, обнажая ноги, но собравшаяся во дворе толпа не получила свою долю зрелищ – до самых колен на меня были натянуты тонкие сапоги в цвет платья: приличия я чтילה всегда, даже тогда, когда они казались мне верхом глупости. Один из слуг поднял Шуту на руки, и я перехватила ее, усаживая перед собой. Она тут же радостно запустила пальцы в рыжую гриву коня.

– Привет, Шустрик!

Я вздохнула. Радость Шуты лишь усиливала чувство неясной тревоги, что зародилось внутри после того, как я случайно уколола брата.

Процессия тронулась, и я поспешила занять свое место – по левую руку от Света, на полкорпуса позади него. За мной, недовольно сопя, – так, что слышали, кажется, все окружающие, – ехала Рони. Я сделала себе мысленную заметку поговорить с ней о манерах. То, что простительно Шуте, уже не может сходить с рук Рони в силу ее возраста.

Я как будто случайно оглянулась. Сзади меня ехал Ник. Его темно-каштановые волосы были забраны в высокий хвост – прическу воина. Одежда также отличалась лаконичностью и удобством. Я поймала себя на мысли, что мне нравятся его простые узкие штаны и высокие кожаные сапоги, и покраснела.

– Кара, а Света не убьют? – понизив голос, спросила Шута.

Я скосила на нее глаза. Выглядела сестра встревоженно. Значит, отвечать придется серьезно.

– Нет, милая. Ритуал перед коронацией – всего лишь традиция. Уже давно никто не пользуется правом вызвать будущего короля на поединок.

– А вызвать на бой может кто угодно?

Я вздохнула. Разговор начинал меня раздражать, почему-то перед глазами то и дело всплывала картина выступившей у брата капли крови.

– Нет, милая. Только вождь клана или его старший сын.

– И почему никто больше не дерется?

– Нет необходимости, милая.

Я не хотела объяснять маленькой сестре нюансы. Бой всегда шел до смерти одного из противников, впрочем, не это пугало потенциальных соперников. В случае поражения проигравший навлекал смерть на своих близких. Вслед за ним самим от рук нового короля погибала вся его семья, включая стариков и детей. Таково было условие предков – за смелость и тщеславие следовало платить кровью своего дома. Конечно же, эта история была не для ушей девятилетней девочки.

Место проведения ритуала всегда оставалось неизменным – бурная горная река, бегущая по дну узкого горного ущелья. По обе стороны от нее, словно под природным навесом, нас уже ждали кланы – все двенадцать.

Свет спешил, и снова запели трубы. К звукам инструментов присоединился слаженный хор человеческих голосов. С каждой минутой он все отчетливее складывался в единый приветственный крик-рык, разбавленный нарастающим шумом барабанов.

Мне помогли опуститься на землю, и я вместе с сестрами укрылась в тени скал – летнее солнце палило нещадно. Река не была ничем огорожена – границами места для боя служили ее берега. Я оценила силу течения и невольно сглотнула.

«Пустое. Это лишь традиция».

Свет поднял руку, и музыка смолкла, как и человеческий гомон. Я снова залюбовалась братом – высокий, ладный, в

просторной алой рубаше и штанах, подчеркивающих его фигуру, он был по-настоящему красив, как может быть красива лишь молодость. Свет улыбнулся и, чуть склонив голову, подошел к жрецу, стоявшему по колено в воде.

– Сегодня мы проведем коронацию Света из клана Рыжего Льва, – выждав паузу, раскатисто начал жрец. Его голос, лишенный старческого дребезжания, разнесся по ущелью. – Если есть кто-то, имеющий смелость бросить ему вызов, пусть ступит в реку или навек склонит голову.

Я затаила дыхание. В груди часто-часто забилося сердце. Я смотрела на спокойно улыбающегося Света, и мне было тревожно. Теряясь в смутном предчувствии беды, я скользнула глазами дальше – за реку, на ту сторону ущелья – и вздрогнула, когда встретила взглядом с высоким молодым мужчиной в черном. С такого расстояния я не могла различить его лица – только знамя клана с изображением Черного Медведя, но почему-то была уверена, что незнакомец смотрит именно на меня и выражение его хищное, оценивающее.

Взволнованная этим взглядом, я не сразу заметила того, что случилось. Я вскинула голову и посмотрела на реку слишком поздно – в воду уже медленно ступил мужчина. Я увидела его суровое, с печатью упрямства лицо, мощные плечи, тяжелое тело с канатами вздувшихся мышц на руках, и мне стало дурно – я узнала его. Никогда не падала в обмороки, но при виде соперника брата мне захотелось съежиться и совершенно по-детски уткнуться лицом в колени.

– Кто ты? – недогнущим голосом спросил жрец.

– Меня зовут Воин. Я старший сын вождя клана Черного Медведя.

Я, заледеневшая изнутри и потому странно спокойная, перевела взгляд на ту сторону реки и нашла его отца. Зрение могло подвести, но мне показалось, вождь клана пребывал в таком же замешательстве, как и все остальные. Рядом с ним стояла молодая женщина, в ужасе обхватившая свой огромный беременный живот, – невестка. Я пожалела, что так редко выезжала из дворца и так мало участвовала в приемах – имя жены Воина выветрилось из головы напрочь.

– Что ж, Воин, ты бросаешь вызов Свету – сыну короля?

– Бросаю.

Повисла пауза, а затем вновь раздался голос жреца:

– По правилам оружие выбирать тебе. Твое слово?

– Охотничьи ножи.

Мне захотелось закричать. Брат был неплохим бойцом, но не мог тягаться с Воином в силу возраста. Тот был старше. Преимущество в опыте и силе оказалось не на стороне Света. А тут еще ножи! С ними брат не дружил. Вот пики – те были ему по духу.

Я в страхе закрыла глаза. Мою правую руку схватила Рони, левую – Шута, и я заставила себя отбросить панику и действовать. Медленно открыв глаза, посмотрела на брата и уже не отводила от него взгляда.

Без физического контакта у меня не сразу получилось по-

чувствовать Света. Я слишком редко прибегала к своему дару и почти всегда использовала для этого прикосновения. Легкие, невесомые, они открывали мне внутренний мир человека. Не тот, где можно рассмотреть душу, нет. В том, в который проваливалась я, видишь лишь человеческие потроха. В прямом смысле этого слова.

По спине прокатился холодок, и я вздрогнула. Опасность я всегда ощущала именно так – ледяным покалыванием, отрывающимся дрожью в кончиках пальцев.

«Кто-то сегодня умрет».

Эта мысль заставила забыть обо всем, кроме того, что действительно было важно. Удар сердца, еще удар. Я сосредоточилась на собственном сердцебиении, чтобы затем с одним из вдохов слиться с окружающим меня шумом. Барабаны, плеск воды, крик пролетающей мимо птицы – я была везде и одновременно нигде. Еще удар сердца, резкий вздох-всхлип, сорвавшийся с губ, и я нашла то, что искала. Река жизни вытолкнула меня на нужный берег. Мое дыхание замедлилось, а затем слилось с дыханием брата, которое становилось все более прерывистым. Я смотрела на Воина и Света, кружащих, как коршуны, друг подле друга, но видела другое – кровь. Бескрайнее море горячей алой крови, бегущей по каналам, которые так сильно напоминали стволы деревьев с их раскидистыми ветвями. Рисунок, что они создавали, подрагивал, пульсировал жаром. Он притягивал меня, как свет маяка заблудшие в ночи корабли.

Я уже не видела того, что происходило во внешнем мире. Меня полностью поглотил внутренний. Я была с сестрами, держала их за руки, но вместе с тем находилась в совершенно ином месте.

Раз, два. Удар сердца, еще удар. Прежде я не заглядывала так глубоко. Переплетя свои пальцы с пальцами сестер, я мысленно устремилась в самое средоточие жизненной силы Света. Туда, где ветвистый узор превращался в нити, рассыпающиеся черным пеплом от соприкосновения с жаром раскаленной кочерги.

Не дать нитям распасться, узору с полотном – обуглиться и разойтись. Я завязывала узелки так быстро, как могла. Это было тяжело – рана, полученная братом, мало напоминала те пустяковые проплешины на рисунке жизни, что я с иглой в руках чинила прежде. Я не думала о том, насколько аккуратными и крепкими получаются стежки. Не до того. Продержаться, дать брату силы на поединок. А после его победы я все исправлю, обещаю.

Ниточка к ниточке, узелок за узелком. Ни разу прежде мне не приходилось делать ничего подобного, но, когда раздался восторженный вопль зрителей, я поняла: получилось. Брат, несмотря на ранение, продолжил сражаться.

Внезапно барабаны стихли. Меня обступила гнетущая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием сестер. Раздался громкий всплеск воды, когда кто-то из соперников ушел под воду.

Я не сразу поняла, что им оказался Свет.

Нити жизни распадалась в моих руках. Они истончались, оставляя вместо себя лишь пепел. Слишком много черных пятен на рисунке жизни. Слишком много... Я металась, пытаясь залатать узор, но не успевала. Я была слишком слаба для такой работы. Мне не хватало дара или, возможно, опыта, чтобы поспеть за всем. Я ненадолго вынырнула в настоящий мир, чтобы взглянуть на Света обычным зрением. Брат медленно поднялся из-под воды. На плече виднелась глубокая рана, но она пугала не так сильно, как сочащийся кровью бок. Свет, стоя на покачивающихся от слабости ногах, обвел взглядом берег с застывшими на нем зрителями. Воин позволил ему это сделать, а затем...

Толпа вскрикнула, я покачнулась. Я уже знала то, что для других станет открытием: рана, нанесенная Воином, оказалась смертельной. Для моего брата все было кончено, но я не хотела в это верить.

Я жаждала все исправить. Собрать пепел и им начертить новый узор. Ведомая страхом, злостью и отчаянием, я сделала то, чего делать было нельзя: сплела нити брата с собственной жизнью.

– Кара, у тебя кровь течет из носа, – испуганно прошептала Рони.

Я вытерла нос пальцами, чувствуя, как на них осталось что-то теплое и липкое. Перед глазами все плыло, я видела лишь расплывающийся узор собственных нитей.

С каждым мгновением он становился тоньше, бледнее. Сила, что раньше питала меня, исчезала – будто река поменяла русло и воды хлынули в другой источник.

Я стиснула зубы, сдерживая крик. На грудь словно опрокинули котел раскаленного свинца. Дышать стало больно, почти невозможно.

– Кара, у тебя под ногтями тоже кровь...

Я снова ощутила на себе чужой взгляд – ищущий, встревоженный. Он принадлежал не сестре и буквально вырвал меня из океана боли, в котором я растворялась.

Я отчетливо поняла, что, если не отпущу Света, сама шагну за ним. Только благодаря мне его сердце еще бьется, но каждый жадный вдох брата лишь оттягивает неизбежное. И цена этой отсрочки – моя жизнь.

В этот момент я согнулась, не в силах сделать вдох. Удар в живот был настолько болезненным, будто его нанесли мне, а не брату. Это оказалось слишком. Нашу тонкую связь будто с размаху разрубили топором, и я потеряла брата. Во всех смыслах. Я больше не видела Света изнутри, но и снаружи мой взгляд его не отыскал – брат с головой ушел под воду.

Кажется, я закричала. Не знаю зачем. Я уже понимала, что он ничего не чувствует, последний удар сердца раздался, когда порвались связывающие нас нити.

Как в вязком кошмаре, я наблюдала за соперником. Тот нырнул, а затем встал над водой с телом брата. Если у толпы еще оставались сомнения, то я знала наверняка: Свет уже не

очнется.

Минуты показались часами. Жрец склонился над телом Света, опустил голову ему на грудь в надежде поймать прерывистое дыхание, а затем тяжело поднялся. В наступившей тишине он чуть надломленно, но достаточно громко, чтобы слышали все, провозгласил:

– Поединок окончен. Свет, сын короля, погиб. Воин, одолевший его в честном бою, может готовиться к коронации. Если через три дня никто не бросит ему вызов, он станет королем Тринадцати кланов.

Жрец первым опустился на одно колено перед победителем поединка, а за ним и все остальные. Я рухнула на землю, не видя ничего и никого вокруг. Впервые в жизни я упала в обморок, но, признаться, была этому даже рада.

– Кара, нас убьют на рассвете?

– Нет, милая. Нам дадут три дня на молитвы и скорбь и лишь по истечении этого времени отправят к предкам-звездам.

Шута прижалась ко мне справа, Рони – слева. Первую ощутимо потряхивало, она не замолкала ни на минуту, вторая часто-часто всхлипывала, но молчала.

– Это будет больно?

Воин, заходивший час назад в мои покои, где нас с сестрами заперли (собственно, всего лишь приставили стражу ко входу, дверь на ключ никто не запирал, но легче от этого не становилось), отозвал меня в сторонку и сказал, что ему придется убить нас, – таковы правила. Смерть наша будет безболезненной, ибо он не желает нам зла. Нам дадут выпить яд, а затем отведут к ритуальному костру. К тому моменту, как наши тела заполыхают, распространяя по округе зловоние горелого человеческого мяса, мы уже будем мертвы.

Когда Воин произнес все это так же спокойно, как до того убил моего брата, – с равнодушием делового человека, выполняющего неприятную работу, – я подумала, что не могу даже вцепиться ему в горло. Я слаба, он убьет меня на месте, но не это пугает. Как переживут свою участь девочки, оставшись без моей поддержки? Каково им будет в одиночку ждать смерти? Хватит ли смелости выпить яд, или, запаниковав, они взбунтуются и навлекут на себя более болезненную смерть?

Я смотрела в спину удаляющегося Воина, обнимала сестер и ненавидела. Ненавидела его за смерть брата, ненавидела себя за никчемность. Будь я мужчиной, меня бы с детства обучали воинскому мастерству. Будь я мужчиной, могла бы вызвать своего врага на ритуальный поединок. Но я родилась женщиной. Всего лишь женщиной, и уже не имело значения, кем был мой отец и какой клан признал меня своей.

Закрытого окна коснулся сумрак ночи, но сестры все еще не легли спать, и я не гнала их в постели. Разложив любимую мамину мозаику в виде объединенного знамени Тринадцати кланов, мы собирали ее при свете одной-единственной свечи – больше нам не принесли, и требовать я ничего не стала.

Раздался стук, почти сразу оборвавшийся звуком распахнутой двери. Я подняла голову. В покои, аккуратно ступая тяжелой подошвой по толстому дорожному ковру, вошел молодой мужчина. Я вздрогнула. У меня не было уверенности, но что-то подсказывало, что передо мной тот самый человек, взгляд которого я поймала до начала ритуального поединка.

– Кара, дочь короля Первого?

– С кем имею честь? – Я встала с кресла и выпрямила спину. Удивительно, но незнакомец, снова одетый во все черное, оказался выше меня на голову. Небывалый случай, учитывая мой немаленький рост.

Он замолчал, рассматривая меня. Я занервничала, за моей спиной испуганно притихли сестры. Стараясь оставаться невозмутимой, я тоже сосредоточилась на внешности незваного гостя. Судя по знамени, под которым он стоял во время поединка, мужчина принадлежал клану Черного Медведя – клану победителя и будущего короля. Но незнакомец совершенно не походил на медведя.

Худощавый, даже субтильный, с тонкими чертами лица и кошачьей грацией, он отличался от своих невысоких и коренастых соплеменников, как ночь ото дня.

Я заметила, что черные волосы его не убраны в прическу и свободно лежат на плечах. Я нахмурилась. Что это могло значить?

Вблизи стало ясно, что, несмотря на высокий рост, добавляющий ему лет, он лишь немного старше меня самой.

Голубые глаза, холодные и пронзительные, внимательно изучали меня. Видимо, сочтя молчание затянувшимся, гость заговорил, и я только тогда заметила, насколько вкрадчив и обманчиво мягок его голос.

– Я двенадцатый сын вождя клана Черного Медведя.

– Воин – ваш старший брат, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказала я, совершенно забыв о манерах.

– Верно. – Он склонил голову и добавил, чуть усмехнувшись: – К сожалению.

Я промолчала, не желая поддаваться на эту явную уловку, но внутренне вся подобралась. Что-то должно было произойти, что-то важное – я чувствовала это.

И не ошиблась.

– Кара, я хотел бы поговорить с вами наедине. Но сначала позвольте представиться. Мое имя – Рок.

Я наконец вспомнила, о чем предупреждала позабытая за давностью лет примета: кровь перед поединком – скорая смерть, призывающая на дом неумолимый рок и тем самым полностью меняющая рисунок судьбы.

Глава 2

Целью шахматной партии является уничтожение конкретной фигуры – неприятельского короля. Тот, кто достиг этой цели, считается победителем.

Я вздрогнула и отвела взгляд от лица гостя – побоялась, что замешательство и животный страх перед чем-то мистическим промелькнет в моих глазах.

Вновь повисла пауза.

– Кара? – Рок напомнил о себе спокойно, без малейшего

признака нетерпения или раздражения.

– Я согласна. Где вы хотите поговорить?

– Не здесь.

Он скинул с себя длинный черный плащ и, прежде чем я успела покраснеть или возмутиться, накиннул мне его на плечи.

– Набросьте на голову капюшон и не поднимайте глаз от пола – именно они привлекают внимание.

– Слишком светлые? – предположила осмелевшая Шута. Она вышла из-за моей спины и теперь с любопытством изучала нашего гостя. Страх сестра больше не выказывала.

– Иди сюда, – зашипела Рони и дернула Шуту за рукав, заставляя ту вновь спрятаться за меня.

Что ж, хоть у одной из них есть голова на плечах.

– Нет. – Рок усмехнулся, заметив маневр Рони, и медленно проговорил, взвешивая каждое слово: – Дело не в цвете глаз – в их выражении.

Он сказал это, обращаясь к Шуте за моей спиной, но я поняла, что слова предназначались не ей.

Я обернулась к сестрам:

– Я скоро вернусь. Не волнуйтесь ни о чем и ложитесь спать, хорошо?

– Я не хочу спать. – Шута с разочарованием покосилась на Рока. Чем-то он ей приглянулся, а возможно, сестре не хотелось, чтобы я уходила.

Рони молча кивнула. Ее карие глаза были серьезны, на са-

мом доньшке в них можно было разглядеть не только страх, но и подозрение и звериную опаску перед более крупным хищником.

Рони выросла. Это происходило слишком быстро: казалось, с каждым моим шагом по комнате, с каждым негромким рыком металлического льва, выскакивающего из часов двенадцать раз за день, она менялась — неувовимо становилась старше. Я не знала, хорошо это или плохо.

Рок вышел из покоев первым и молча придержал мне дверь. Я отметила это мимолетно, подумав, что его манеры, естественные и непринужденные, странно сочетаются с внешностью — в нем было что-то отталкивающее и притягивающее одновременно. Я не обладала чутьем льва, но даже моя интуиция кричала об опасности. В Роке чувствовалась сила. Не та, к которой я привыкла, другая: вкрадчивая, мягкая, таящаяся глубоко внутри.

Он кивнул страже, и та послушно расступилась перед ним. Подошвы моих туфельек заскользили по коридору дворца. Рок выбирал темные закоулки, обходя парадные комнаты, и я понимала его.

Я не спрашивала, куда мы идем. В голове вертелись более важные вопросы. Я переживала за сестер. Не обидят ли их за время моего отсутствия?

Я послушно не поднимала глаз от дощатого пола. Когда он сменился сочной зеленой травой, с облегчением перевела дух, а потом и вовсе вскинула голову, всматриваясь в ночное

небо с россыпью звезд на нем.

– Что вас смущает в моем взгляде?

Смелый вопрос. Смелость мне была не свойственна, поэтому я задала его, изучая созвездие Льва и стараясь унять бешено колотящееся сердце.

Рок чуть замедлил шаг, но не остановился. Не видя его лица, я хорошо представила усмешку, скользнувшую по тонким губам, – ироничную и немного горькую.

– У вас, Кара, прекрасные глаза, но это глаза жертвы.

– Жертвы?

– Той, кто спасает чужие жизни, но не может помочь себе.

Внутри меня все заледенело от страха. Он увидел мой дар на поединке, догадался о нем? Но почти сразу холод уступил место пустоте. Разве теперь имеет смысл бояться?

Я моргнула, смахнула одинокую слезинку, скатившуюся из уголка глаза, и посмотрела на своего спутника.

– Кого же вы хотите из меня сделать, Рок? Ту, кто отбирает жизни?

– Для начала – королеву.

Я споткнулась, поскользнувшись на вечерней росе, и растянулась на траве. Рок наклонился и молча подал мне руку. Ночь была безлунной, и темноту разбавлял лишь мягкий свет звезд. Я с детства боялась темноты, страх всегда жил в моем сердце – не хватит пальцев обеих рук, чтобы перечислить все то, что пугало меня без всякой на то причины, но в тот момент страх отступил. Вдруг черные краски ночи по-

казались мягкими и теплыми, и сквозь них проступило лицо человека. Его голубые глаза смотрели выжидающе.

Помедлив, я подала ему руку, и он легко потянул меня наверх, помогая встать.

– Вы хотите, чтобы я стала женой вашего брата?

– Я хочу, чтобы вы убили моего брата.

На какое-то время я потеряла дар речи. Мы подошли к пшеничному полю – ближайшему к замку. Прямо перед ногами начиналось золотое море – бескрайние просторы пшеницы; колосья выглядели в ночи слишком тускло, но все равно величественно. За нашими спинами вилась утоптанная дорожка, петляющая среди зеленой равнины. По правую руку от меня одиноко раскинул ветки могучий высокий дуб.

– Если я убью вашего брата, как же тогда стану королевой?

Я смотрела на дуб, боролась с желанием положить ладонь на его теплую толстую кору и не верила, что серьезно говорю об убийстве. Я, та, кто всегда залечивала раны, а не наносила их?

Рок прошелся вправо и сделал то, что я хотела: коснулся морщинистой коры дерева. Я не шелохнулась.

– Вы сразите брата в ритуальном поединке.

Встретив мой взгляд, он снова усмехнулся. На этот раз весело – видно, мое ошеломленное молчание его позабавило.

Я медленно подошла к дубу. Спрятала руки за спину и, рассматривая землю под ногами, выдохнула:

– Вы, должно быть, смеетесь надо мной?

– Кара, последнее, что я бы стал делать, – смеяться над вами. – Его глаза смотрели так, что я, на мгновение подняв взгляд на лицо спутника, снова принялась изучать травинки под носками туфельек. Никто никогда так не смотрел на меня. Даже Ник. – И поверьте, совсем скоро смеяться над вами сможет позволить себе разве что глупец.

– Женщины не имеют права бросать вызов.

– Если речь идет об обычном поединке. Вспомните, что говорится в свитках древних о ритуальном поединке.

Я напрягла память, но не смогла припомнить ничего конкретного. Меня не учили истории с той тщательностью, с которой это делалось для брата. Женщине куда более пристало готовить приданое, чем проводить время за чтением. Исключение делалось разве что для божественного учения о предках-зверях.

А вот Свет частенько пропадал в отцовской библиотеке.

Свет... Я сглотнула ком в горле и выпрямила спину еще сильнее.

– О чем говорится в свитках?

– Забавно, как люди по-своему трактуют слова богов, а человеческая память стирает все, что не укладывается в привычную картину мира. – Он помолчал. На его ладони, лежащей на коре дуба, отчетливо проступали две тонкие синие линии вен. – Боги, наши предки-звери, завещали, что вождь клана или его первенец может оспорить права будущего короля и вызвать того на поединок, который и решит судьбу

кланов.

– Первенец? – тихо спросила я.

– Первенец, и ни слова о том, женщина это или мужчина, – серьезно подтвердил Рок. – Никто из женщин этим правом так и не воспользовался, и оно оказалось предано забвению. Но упоминания о нем сохранились. Я нашел их.

«Женщины призваны дарить жизнь, а не отнимать ее».

Эти слова так и не сорвались с моих губ. В горле стало сухо. Мне понадобилось несколько минут, чтобы все осознать. Рок не торопил меня.

– Я не обучалась воинскому искусству. Ваш брат убьет меня, едва по ущелью разнесется звук барабана, призывающего к бою.

– Зачем воинское искусство той, в чьих руках нити жизни?

– Рок, вы... Вы... Этот дар нельзя использовать во вред.

– Разве? Есть такое правило?

– Это немыслимо...

– Жизнь и смерть – две стороны одной монеты. Если вы имели смелость путать карты самой Смерти, пытаясь отобрать у нее законную добычу, что мешает вам сделать той подарок – принести жизнь своего врага?

Я судорожно сглотнула. На лоб упала выбившаяся из косы прядка волос, но я не отбросила ее – руки словно онемели. Перед внутренним взором встал брат, такой, каким он был в день несостоявшейся коронации, – улыбчивый, спокойный,

полный уверенности в своем будущем. Почти сразу он растаял, уступив место другой картинке: четырехлетний малыш, смеясь, убегает от меня по пшеничному полю – тому самому, где мы стоим с Роком. Я моргнула, и жаркий полдень, сухой теплый ветер и солнце, играющее в рыжих волосах маленького брата, исчезли, сменившись прохладой и сумраком ночи.

Я сжала правую руку в кулак. В душе поднялась черная липкая волна злости к тому, кто отнял у меня близкого человека. Она накатывала, становясь все выше, поднимаясь к горлу, и я испугалась, что захлебнусь. Отшатнулась от Рока, будто он мог столкнуть меня вниз, принести в жертву стихии, бушующей в моей душе.

– Это не мой путь, – твердо сказала я.

– Вы уверены, Кара?

И снова тишина ночи словно растворилась во мраке. Обступившую меня темноту прорезали голоса. Я вновь услышала детский смех, на этот раз смеялись девочки – Рони и Шута. Их глаза весело искрились, а тонкие руки тянулись ко мне. Маленькие ладошки были доверчиво раскрыты.

Я пошатнулась. Рок, не сводящий с меня взгляда, чуть подался вперед, к моему лицу. Его мягкий голос стал еще ниже:

– Так что же вы выбираете, Кара?

Я спрятала лицо в ладонях. Жизнь и смерть лежали передо мной на разных чашах весов, и ни одна из них не перевешивала. Страх, растерянность, злость и обида, как прорва-

шаяся плотина, захлестнули меня, высвобождая из памяти давно забытые моменты – редкие и бесценные, – сплетая их с теми, которые могли бы произойти, будь судьба ко мне более благосклонна. Я вспомнила такую смешную, но все равно лучезарную улыбку младшего брата, лишенную двух передних молочных зубов; теплоту его ладони, когда он клал ее мне на плечо, желая поддержать или утешить. Эти две картинки, как узор в калейдоскопе, смешались между собой и породили третью – ту, что так жаждало увидеть мое сердце: корона на голове моего брата, ярко сияющая щедрой россыпью драгоценных камней, но даже ее блеск не мог затмить его улыбку, обращенную ко мне и Нику. Затем узор покрылся трещинами. Я еще успела разглядеть двух сестер, заплетающих мне косу маленькими пальчиками, – неумело, но старательно, – и краски побледнели, выцвели, пока не осталось только два цвета: красный и черный. Я увидела перед собой кровь, окрашивающую воду в алый, она была почти незаметна на красной рубашке брата, но именно кровь забрала у него все силы и превратила его лицо в маску; я услышала треск огромного костра, все отчетливее проступающего перед глазами; ушей коснулся полный ужаса детский крик, переходящий в плач, и, узнав голос Шуты, я вскрикнула сама и снова оказалась на краю пшеничного поля, возле векового дуба, в безветренной ночи, наполненной лишь тишиной и жемчужным мерцанием звезд.

– Кара?

Жизнь или смерть, смерть или жизнь? Разве у меня есть выбор?

Ирония состояла в том, что, выбирая жизнь своих сестер, я вместе с тем выбирала смерть, пусть и для другого человека.

– Я согласна убить вашего брата. – Я подняла голову и встретилась взглядом с Роком. Хотела бы я сказать, что уголки его губ изогнулись в хищной улыбке, – это бы позволило понять моего собеседника, но ничего подобного не случилось. Лишь на самом доньшке лед его голубых глаз чуть потеплел. Впрочем, и об этом я не могла говорить уверенно.

– Мудрое решение, Кара. Стать королевой – ваша судьба.

– А какова ваша судьба, Рок?

– Стать королем и вашим мужем.

Небо едва не поменялось с землей местами – мне стоило больших усилий удержаться на ногах.

– Вы так уверены, что я соглашусь?

– Я нужен вам, Кара. Никогда прежде вы не использовали обратную сторону своего дара, верно?

– Вы... сможете научить меня?

Рок снова усмехнулся.

– Вам не нужен учитель. Вам необходим человек, способный разделить с вами весь путь – от начала до конца. Способный дать совет и снять с вас оковы, которые вы сами на себя надели.

Я ничего не поняла из его слов. Он говорил загадками, и

если поначалу это завораживало и пугало, то теперь раздражало.

– Откуда вы знаете о моей силе?

Силе, что я считала проклятием, а Свет – даром.

– Потому что и сам отмечен этой скверной. – Он поймал мой ошеломленный взгляд и кивнул. – У меня тоже есть дар. Он не такой, как у вас, Кара, но я могу помочь вам.

Я смятенно посмотрела на колосья пшеницы, чуть посе-ребренные вышедшей на небосклон луной. Затем, осмелев, вернулась взглядом к Року. Я жадно всматривалась в него, впервые увидев кого-то похожего на себя.

– Вы тоже скрываете свой дар, – шепот слетел с моих губ, и я вздрогнула – не думала, что произнесу это вслух.

– Жизнь на задворках не для меня, – брезгливо поморщился Рок, и это была первая его эмоция, которую я смогла безошибочно истолковать. Он оперся спиной о дуб и, подняв глаза к звездам, тихо добавил: – И не для вас, Кара.

Свет луны играл жемчужными бликами на его черных волосах, свободно лежащих на плечах. От высокой и худой фигуры исходила какая-то мистическая сила, и я невольно сделала шаг назад.

«Колдун!» – испуганно подумала я.

Рок отвел взгляд от неба, посмотрел на меня и, как будто прочитав мои мысли, рассмеялся – тихо и беззлобно. Щеки вспыхнули румянцем, я еще никогда не чувствовала себя так глупо.

– Так значит, – медленно проговорила я, стараясь забыть о неловкости, – наш брак – это ваше условие?

– Это единственное условие, которое я вам когда-либо поставлю.

– А если я откажусь?

– Вы лишитесь моей помощи. Поверьте, Кара, в играх с судьбой вам необходима моя поддержка.

Я так сильно закусила губу, что во рту появился слабый солоноватый привкус.

«Будь проклята эта корона!»

– Будьте осторожны в своих желаниях, Кара.

Мои губы потрясенно приоткрылись.

– Вы читаете мысли?

– Ваши – написаны у вас на лбу.

– Разве?

– О да. Вы подвержены страстям сильнее, чем кажется на первый взгляд. На вашем лице легко проступают те чувства, что вас бушуют. Главное – быть внимательным. Ну это всегда хорошо мне давалось.

Несмотря на злость, которая горячила кровь, я смутилась. Было до странного сокровенно услышать что-то подобное из уст мужчины. Тем более что в словах Рока сквозило плохо скрываемое одобрение.

Его привлекает чужая несдержанность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.